

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. С. Бугров

ПРЕОДОЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНЕРЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены источники и причины возникновения и воспроизводства в социокультурной программе российского общества правового нигилизма. Предложены пути и средства его преодоления, которыми располагает современная общеобразовательная школа.

In the recent decades there has been done a lot to develop the general legal education in Russia. However, these efforts have still little effect on the legal culture of the Russians. In this connection the origin and reasons of the arising and reproduction of the legal nihilism in the socio-cultural program of the Russian society are examined, and the ways and means of its overcoming which the contemporary secondary school has are suggested.

Право является важнейшим регулятором общественных отношений во всем цивилизованном мире. Знание и исполнение гражданами страны правовых норм служит показателем ее цивилизованности и успешности, в том числе и в сфере экономики. В условиях глобализации и информатизации уровень правовой культуры отдельных граждан может сказаться на доверии мирового сообщества к целому государству и выборе стратегии выстраивания двусторонних отношений. Поэтому особую значимость приобретает задача повышения уровня правовой культуры и правосознания как всего общества, так и отдельного гражданина, решение которой требует продуманной организации правового обучения и воспитания как неотъемлемой части общего и профессионального образования. Необходимым условием эффективной организации правового образования, в том числе и в России, является учет национальных, культурно-исторических особенностей отношения правосознания.

Между тем традиционный российский менталитет чаще всего оценивается как нигилистический в отношении к праву. Развивать и укреплять общественное правосознание при таком культурно-историческом наследии весьма непросто. Инерция правового нигилизма в России велика, чтобы ее преодолеть, следует скорректировать и повысить эффективность многих используемых в настоящее время в нашей стране методик и целых программ правового образования. Для этого необходимо знать особенности развития права в России и процесса формирования отношения к нему, а значит, условия генезиса российского общества, культуры, государственности.

Самые разные мыслители сходятся во мнении, что российское общество терзаемо глубинными внутренними культурными противоречиями, пронизы-

вающими все или почти все его сферы. История России – история расколов, нравственных противоречий, принимавших различные формы: территориальную (город – село), поведенческую (ночная – дневная культуры), церковную (никониане – старообрядцы), философскую (славянофилы – западники), политическую (власть – народ, центр – периферия) и многие др. Конечно, расколы присутствуют в любом обществе. Конфликты, спровоцированные ими, становятся пусковым механизмом социальных изменений. Однако, если конфликтная ситуация не разрешается, происходит постоянный возврат к исходным условиям, рождающим ее заново. Вследствие перманентных расколов граждане перестают проявлять повседневную социальную активность, в сознании и поведении народа утверждается исторический пессимизм и правовой нигилизм.

Изначально правовой нигилизм, маргинальность и низкая степень социальной активности не были свойственны славянскому обществу – исходной основе российского социума. К моменту становления государств-княжеств политическое устройство славянских племен характеризовалось высоким уровнем общественного сознания (см., например, [17; 18, с. 138, 144]). К моменту становления государств-княжеств политическое устройство славянских племен характеризовалось высоким уровнем общественного сознания. Но с некоторых пор российский менталитет стал сочетать в себе крайности – от отрицания всякой, в том числе и демократически установленной власти, до элитарной ориентации на нее как на единственно подлинную, а потому вездесущую и всемогущую реальность [2]. Появление этих полюсных тенденций в социокультурной программе общества можно объяснить только несоответствиями между исторически сложившимися традициями славянского общества и нововведениями, вызванными необходимостью его политического и экономического развития.

Становление государственности на Руси было связано с необходимостью укрепления внешних границ, консолидации земель, представительства региона во внешнеполитической деятельности. Князья рассматривались как внешняя сила, не вмешивающаяся во внутренние дела общины. Однако интеграция политических сил (княжеской власти и патриархальной элиты, использующих государство в качестве источника приращения собственности, а не инструмента социального компромисса) предопределила столкновение интересов государственной и общественной (традиционно-патриархальной) власти, что привело к двойственности отношений общества и государства. На рациональном уровне государство расценивалось обществом как необходимость, но на эмоциональном не принималось и вызывало внутреннее отторжение.

Корень обсуждаемой проблемы, по нашему мнению, заключается в несоответствии традиционных ценностей нравственных идеалов устанавливаемым государством правилам и нормам. Государственная власть и ее институты в России всегда была нравственно слабее общественных, точнее общин-

ных. Российский авторитаризм в своих крайних формах тоже есть проявление именно нравственной и вытекающей из нее, в конечном счете, всякой другой слабости государства, а не силы. Он вызван неумением, точнее, неспособностью институтов государственной власти установить с обществом и в обществе отношения, отличные от внешне насильственных.

Авторитарность (без авторитетности) является показателем несоответствия социокультурной программы, свойственной обществу, и политики, проводимой государственной властью. Из-за этого несоответствия государственная власть в России в позитивном смысле всегда была слаба, она могла опереться только на грубую силу, скорее разрушающую, нежели созидательную. Специфика ситуации заключается в том, что изначально княжеская власть рассматривалась обществом только в качестве исполнительной. Верховная, законотворческая функция должна была остаться за вечем. Поэтому в культурной памяти народа монархи, а впоследствии и органы власти являлись узурпаторами. Попытка государства «выдавить» традиционные взгляды и ценности насильственными методами привела к обратному результату – к их укоренению в народном сознании и усилению негативистской инерции в адрес государственной политики. Не сумев уничтожить культурные особенности общинных отношений, власть сделала попытку встроить общинные институты в государственную структуру, что опять же способствовало консервации традиционных ценностей.

Менталитет русского народа формировался в условиях постоянной напряженности, конфликта нравственных оснований деятельности, раскола самосознания общества. Это приводило к дискомфортному состоянию личности и в то же время актуализировало прилив творческой энергии, направленной на преобразования [1, с. 69]. Стремление уйти от этого напряжения вызывало в народной среде тенденцию к «додумыванию», «переименованию» фактического материала, выискиванию, например, виновников или «харизматических» «спасителей». Фантазирование толпы, рожденное внутренним отвержением государственных институтов, вкупе со сложными социальными условиями периодически приводило к народным беспорядкам и восстаниям. Однако надо учесть, что народные волнения вызывались не стремлением уничтожить государство как социальный институт, а ненавистью к государевым слугам – проводникам и представителям *иной культуры* (причем зачастую статус инородца был верен и в духовном, и в этнонациональном смысле). Явление «самозванства» тоже выражало всего лишь желание народа уйти от влияния навязываемых регуляторов и создать единое социокультурное пространство. А покорность после вспышки бунта – свидетельство культурного и нравственного раскола самой личности.

Таким образом, догосударственная форма общезжития сохранила в России силу, прежде всего нравственную. Свойственный этой форме *локальный* характер общественных отношений оказал существенное влияние на развитие самой государственности. Локализм – форма общественного бытия, ха-

рактизирующаяся относительно малым количеством членов социальной группы и специфическими общественными регуляторами. Отличительными чертами локального общества – общины – являются:

- непосредственная психологическая связь между субъектами;
- приоритет социальной структуры над социальной функцией, а абсолютного над изменяемым (традиционализм);
- синкретическое (целостное, пра-логическое, согласно Л. Леви-Брюлю) мировосприятие, обеспечивающее полное единение индивида с группой;
- закрытый характер общины, являющейся хозяйственной единицей и субъектом социальных отношений;
- вечевой институт регулирования межродовых отношений.

Определяющим фактором развития социально-правовой системы в России являлся и является перенос культурных традиций локального общества на почву централизованного государственного управления. Чтобы выполнять свои функции, государству пришлось имитировать порядок, исторически сложившийся в локальных социальных мирах, внося неизбежные интерпретационные поправки.

В результате консервации локализма патриархальная и вечевая формы организации власти в условиях изменяющегося общества из взаимодополняющих регуляторов превратились в самостоятельные противодействующие силы. Изначально предназначенные для управления малыми социальными структурами, они были обоюдно неспособны обеспечить функционирование большого общества, и это определило ситуацию постоянного возврата к прежним противоречиям. Формы регулирования локального общества не срабатывали в новой ситуации, но инерция требовала имитировать привычные управленческие приемы и институты. Исторический процесс стал напоминать маятниковые колебательные движения, метания в поиске наиболее удобного способа организации всей общественной жизни, в том числе и государственной власти.

Многие особенности взаимодействия современного российского общества и государства обусловлены влиянием локалистских традиций. Такие проблемы, например, как коррупция и взяточничество, имеют корни в традиционной (локалистской) культуре. Непосредственный личный контакт, устанавливающийся в результате дачи «подарка», вызывает не только уверенность в успешном разрешении дела, но и ощущение своей сопричастности к деятельности. Социум (не без помощи формирующегося государства) проецировал ценности и идеалы патриархальной семьи на зарождающееся большое общество.

Экстраполяция стереотипов общественных отношений локального мира на государственность привела к сопоставлению всякого рода отношений по вертикали с семейными (князь – батюшка, народ – дите), причем народ действительно приобрел черты ребенка, в том числе склонность к безответственности и неосознаваемой жестокости. Как показала история, детское самовос-

приятие, подразумевающее отказ от ответственности, стало причиной народной пассивности и, как следствие, этатизма. Но и отторжение государственной власти явилось результатом приверженности общества к традиционализму. Так, самые деятельные монархи, поднявшие страну на небывалый уровень, вызывали порой у подданных наибольшую неприязнь (например, Александр Третий [11, с. 4]). Дуализм положения российской государственности состоит в том, что народные волнения происходили в периоды относительного благополучия, в то время как период бедствий рождал волну патриотизма.

Причинами консервирования локальных ценностей в российском обществе стали, в первую очередь, особенности государственного регулирования, проистекающие из приспособляющихся действий государства. Власть осуществляла свои функции не столько в отношении подданных, сколько в отношении рода, а позже – корпоративных объединений (посадских, крестьянских и казачьих общин, купеческих сотен). Изначально ответственность перед князем держала не отдельная личность, а город, плативший дань и выступавший субъектом правоотношений. Такой сугубо корпоративный характер российского общества породил двойственную систему ценностей – общинную и государственную, которые к тому же нередко жестко противостоят друг другу. Внутреннее регулирование общины, «мира» осуществлялось нормами обычного права, являющимися, по существу, нравственным императивом по отношению к позитивному государственному праву. Произошел разрыв правосознания народа и права, не оформился главный принцип организации государственного управления, таким образом обозначенный И. А. Ильиным: «Строительство права не значит придумывать новый закон и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное и все крепнущее правосознание» [15, с. 85]. Государственно-индивидуальные, характерные для западной цивилизации отношения, были сметены государственно-общественными, традиционными, свойственными восточным странам.

О. Н. Мигущенко также считает, что на развитие правосознания российского народа повлияли противоречия между индивидуальным и общественным способами организации жизни и присущими им ценностями [14, с. 24–26]. Право не стало зеркалом действительных общественных отношений и не приняло функцию их воспроизводства, породив самостоятельное социокультурное (законодательно-правовое) пространство. Между тем правом, по словам Б. А. Кистяковского, является всякое народное убеждение о должном в правовом отношении (обеспечиваемое, конечно, государством) [22, с. 70].

Определенное влияние на процесс формирования общественного отношения к праву оказало и православие. Авторитарное «насаждение» религии привело к ее противостоянию архаично-языческой нравственной культуре, что стало значимым фактором укоренения традиционализма и имитационного поведения в религиозной сфере. «В наших летописях принятие христианства выставляется как бы без борьбы; кажется, будто Русь, омывшись в купе-

ли крещения, тотчас забыла свой прежний языческий мир со всеми творениями его вымысла. Не совсем так было на самом деле» [9, с. 238]. До сих пор многие верования и традиции того времени сохранились в культуре русского народа. Результатом внешней, внутренне отторгаемой деятельности явилась деформации ментальности народа. «Несмотря на глубоко нравственное значение, какое вообще придавали строгому подчинению церкви, русское благочестие основывалось больше на внимании к внешним обрядам, чем на внутреннем религиозном чувстве» [9, с. 275]. Поэтому «в некоторых семьях (крестьянских) поощрялось воровство, а во многих – своровать, стащить у кого-то другого, чтобы съесть, проступком вообще не считалось» [12, с. 223].

Необходимо учесть, что новая религия была внедрена в социокультурную программу России из византийской государственности, и этот процесс не мог не иметь более обширных последствий, чем только религиозные. По словам В. С. Соловьева, «в Византии произошла ликвидация института независимой экспертизы в лице Церкви путем поглощения ее государством. Произошла подмена образа Христа личиной Новохудоносора, Ксеркса» [20, с. 6]. Эта традиция привела к укреплению самодержавного пути развития страны и слиянию в сознании народа государственных и церковных регуляторов. Внутреннее неприятие всяких норм, навязываемых государством, определило отторжение религиозных догм. Народное отношение к религии пропиталось государственно-правовым нигилизмом, церковь уже не могла в полной мере исполнять функцию формирования нравственности, правосознания и правовой культуры.

Другим фактором, определившим консервацию локальных ценностей в сознании народа, стал период монголо-татарского нашествия. Значение и степень влияния монголо-татарского ига на Русь – дискуссионный вопрос исторической науки, однако даже если оно не оказало непосредственного воздействия на культуру, его опосредованное влияние могло быть существенным. В этот период произошло уменьшение количества городов, являвшихся основой зарождения либерализма, и увеличение доли сельских поселений – основы патриархального традиционализма.

Влияние Орды привело к несовпадению социокультурного пространства славянского социума и установленной государственности, расхождению нравственных идеалов народа и ценностных ориентаций политической верхушки. Ведя борьбу за княжеский ярлык, дающийся ханом, князья постепенно перенимали политический опыт, стратегии управления и жизненный уклад, характерный для восточного государства. «Россия органично восприняла систему военно-организующей силы кочевников, жесткое централизованное государство и строгую вертикальную подчиненность институтов власти» [13, с. 20–21]. Татаро-монгольская государственная система привила московским князьям умение военной организации, способность создавать государственно-принудительный центр, предполагающий единоличное правление. Несовпадение социокультурной программы общества

и государства определило приоритетное использование насильственно-административных мер в государственном реформировании, усилившее неприятие народом властных действий.

Таким образом, нигилистическое отношение к праву рождено внутренними исторически обусловленными причинами, несоответствием между существующими правовыми регуляторами и способами организации общественной жизни, установленными правилами жизнедеятельности и исторически сложившимися ценностно-правовыми ожиданиями членов общества. Между тем для достижения сильной государственности необходимо преодоление локального традиционализма. В предшествующие периоды осуществлению этого мешал ряд факторов:

- низкий уровень социально-экономического развития, доминирование государственной монополии над частным капиталом, а деревни над городом;
- территориальная протяженность страны при медленном информационном обмене, что способствовало поддержанию традиций на местах;
- низкий уровень образованности народа и преобладание стихийной народной педагогики над целенаправленным организованным образованием.

В постсоветском пространстве наблюдается повышение интереса к проблемам правосознания, правовой культуры и правового образования и активизация деятельности государства в этом направлении. Однако изменения, происшедшие в сознании общества за период социально-экономических реформ, незначительны. Они в большей степени касаются сферы частного правового регулирования, в то время как правовая культура в области публичных правоотношений остается на довольно низком уровне. Органы государственной власти, даже (или вернее, особенно) правоохранительной и правозащитной направленности, воспринимаются людьми как враждебные. Неправовой способ разрешения ситуации оценивается многими гражданами как более эффективный и справедливый. Такое положение вещей объясняется не только невысоким уровнем ответственности государственных служащих и излишними проявлениями бюрократизма, но и широтой распространения в социуме тюремной субкультуры. Поэтому задачей правового образования является не столько правовое просвещение, сколько противостояние традициям нигилистического толка (кроме, разумеется, узкоспециализированной сферы профессиональной правовой подготовки).

Основы эффективного образовательного процесса закладываются на этапе его проектирования, когда определяется система дидактических целей и задач, приемов и методов обучения. Уже на этой стадии необходимо учитывать инерцию нигилистического отношения общества к праву и природу причин, породивших правовой нигилизм. Внедрение дисциплин правового содержания в программу общеобразовательных учреждений может сыграть важную роль в преодолении локалистской социокультурной программы общества, воспроизводящей правовой нигилизм. Этому способствуют также тенденции в сфере методики. Анализ методической литературы показывает, что

преобладающими в правовом образовании являются активные и интерактивные методы обучения (см. например, [3, 5, 19, 21]). Интериоризация ценностей правового государства и гражданского общества возможна только при личном участии учащегося в их достижении. Согласно Л. С. Выготскому, П. Я. Гальперину, А. Н. Леонтьеву, Д. Б. Эльконину и другим выдающимся психологам, процесс интериоризации обеспечивается деятельностью. Этих же взглядов придерживается Дж. Верч [6], в соответствии с подходом которого не человек и не окружение (культурное) является основой развития личности, а действие, в детском возрасте имеющее игровую форму. Реализующийся в правовом обучении подход можно выразить в следующей формуле: *увидел – обсудил (обдумал) – попробовал понарошку – использовал на практике – закрепит в качестве стереотипа поведения.*

Изменения коснулись не только организационного и технологического элементов педагогического процесса, но и способов структурирования учебного материала. Если на предыдущих исторических этапах правовое просвещение заключалось в изучении закона, т. е. определенного результата государственной деятельности, заранее, как мы отметили выше, вызывающего отторжение у русского человека, то сегодня право преподносится как внесударственное явление, присущее личности от рождения, подчинение которому определяется не государственным давлением, а собственной волей во благо каждому. В правовом образовании делается акцент на необходимости и независимости права от государства, возможности использовать его как орудие в отстаивании своих интересов на государственном уровне.

Таким образом, правовое обучение в школе сегодня направлено на преодоление негативистской культурной инерции в отношении к праву. Оно строится на практико-ориентированной основе с использованием активных и интерактивных методов (ознакомительные экскурсии, дискуссии, деловые игры, деятельность в реальном социальном пространстве и т. д.) и призвано дать возможность практического освоения и присвоения правовых знаний, обеспечив подготовку учащихся к жизни в современных условиях. Методы обучения правовым дисциплинам направлены на повышение социальной активности учащихся и их личной ответственности. Задачами правового образования провозглашено воспитание уважения к правам человека, формирование отношения к государству как инструменту права, опыта разрешения ситуаций правовым способом, приучение личности к правоприменительной деятельности в повседневной жизни [4].

Однако при верном выборе вектора развития правового образования, принимаемые меры приходится признать недостаточными. Правовой нигилизм преодолевается с большим трудом, скорее поверхностно, не затрагивая основ менталитета нации. Поэтому необходимы не только коррекция методов обучения, учебных планов, характера построения учебного процесса и образовательных отношений, но и изменение роли учебного заведения в социуме.

Образовательные учреждения могут и должны стать активными участниками социальных отношений.

Социальная активность образовательных учреждений должна проявляться на двух взаимосвязанных уровнях: внутреннем, т. е. на уровне создаваемой, прежде всего педагогами, образовательной среды, которая позволяет реализоваться способностям учащихся (например, ученическое самоуправление), и внешнем, дающем обучающимся возможность производить *общественно полезный результат*, отличный от образовательного, в том числе на базе других учреждений и организаций. Социальная активность образовательного учреждения на внешнем уровне предполагает организацию взаимодействия учеников с органами власти района, города, субъекта Российской Федерации. Построенная таким образом деятельность учебного заведения позволяет сбалансировать активное и репродуктивное, индивидуальное и групповое, теоретическое и практическое обучение. Она способствует не только осознанию учащимися ценности права и знакомству с механизмом реализации прав и обязанностей, но и формирует активную социально-правовую позицию. Необходимо создать собственную модель стимуляции социально-правовой активности. В США, например, функционирует система грантов, позволяющая гражданам осуществлять свои социальные проекты [8, с. 28]. У нас деятельность по реализации совместных социальных проектов может проходить на базе образовательных учреждений при поддержке и содействии государства, муниципалитета и организаций различных хозяйственно-правовых форм.

Не случайно идея социально-активной школы словно «витают в воздухе». Многие педагоги активно отстаивают необходимость применения метода проектов [10]. В екатеринбургской школе № 93 реализуется авторская программа И. В. Гальковской «Социальная практика» для профильного социально-правового класса. Социальные игры активно используются при организации детского отдыха. Например, в детском оздоровительном лагере «Самоцветы», подразделении ЦВР г. Новоуральска (руководитель проекта О. А. Нежданова), с 2003 г. реализовывались социально активные программы организации детского отдыха «Планета детства», «Зимние чудеса», «Школа волшебства» в форме социально-психологической игры, «Русь изначальная» – в форме игры-эпопеи. Основу программ составляют принципы социальной активности, а их реализационной основой является КТД (коллективное творческое дело).

Возможность позиционирования общеобразовательного учебного заведения как социокультурного комплекса прямо указывается А. Вефлиемским, В. Козловым, В. Орловым [7, 16]. Под социокультурным комплексом подразумевается объединение школ с центрами культуры, учреждениями социальной сферы и дополнительного образования.

Учет культурно-исторической инерции в области права требует реализации ряда мер, одной из которых является изменение роли учебного заведения в социуме. Задачу формирования правосознания и правовой куль-

туры, стоящую перед общим правовым образованием, можно решить только при непосредственном включении учащихся в правовое пространство. Это требует изменения как подхода к преподаванию правовых дисциплин, так и места образовательного учреждения в структуре социальных отношений.

Литература

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. – Новосибирск, 1997. – Т. 1.
2. Байниязов Р. С. Правосознание и российский правовой менталитет // Правоведение. – 2000. – № 2.
3. Бариховская Е. Г., Мась А. В., Морозова С. А. Система правового образования в школе: концепция, учебные программы. – СПб., 1995.
4. Болотина Т. В., Миков П. В. Права человека: концепция курса для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. – М. 2006.
5. Вакуленко В. А., Уколова И. Е., Королькова Е. С. Методическое пособие по интерактивным методам преподавания права в школе. – М., 2002.
6. Верч Дж. Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию. – М. 1996.
7. Вефлиемский А., Козлов В. Школа как сельский социокультурный комплекс // Народное образование. – 2004. – № 10.
8. Кириченкова Н. Русский взгляд на американскую школу // Обучение за рубежом. – 2006. – № 2.
9. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М., 1993.
10. Крылова Н. Проектная деятельность школьников как принцип организации и реорганизации образования // Народное образование. – 2005. – № 2.
11. Курганова М. «Сильный, державный...» // Граждановедение. – 2007. – № 26.
12. Латышина Д. И. История педагогики: Учеб. пособие. – М., 1998.
13. Лукьянова В. А. К вопросу о специфике российской государственности // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 12, Полит. науки. – 2002. – № 1.
14. Мигущенко О. Н. Историческое и логическое в понимании правосознания // История государства и права. – 2006. – № 9.
15. Окара А. Н. Правосознание – центральная категория философии права И. А. Ильина // Государство и право. – 1999. – № 6.
16. Орлов В. Реструктуризация сети сельских школ: экономический и педагогический аспекты // Народное образование. – 2004. – № 10.
17. Петро Н. Н. Взлет демократии: Новгородская модель ускоренных социальных изменений. – М., 2004.
18. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. – СПб., 1997.

19. Прутченков А. С. Граждановедение: деловые игры. – М., 1993.
20. Шамшуринов В. И. Особенности политической теории в Византии и России // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 12, Полит. науки. – 2006. – № 5.
21. Элиасберг Н. И. Система правового образования в школе. – СПб., 1995.
22. Юрашевич Н. М. Правосознание и право: общность и различие // Государство и право. – 2005. – № 7.

А. И. Репина

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ С ЦЕРЕБРАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИЕЙ В ПОЗДНЕЙ РЕЗИДУАЛЬНОЙ СТАДИИ В УСЛОВИЯХ ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА

Статья посвящена оценке родительского отношения к ребенку, имеющему тяжелые нарушения в развитии, и роли родителей в социальной адаптации детей с церебральным параличом. Рассмотрены педагогические условия формирования коммуникативных и организаторских способностей у детей с названной патологией.

The article deals with the parents rating treatment of their child suffering heavy violation in the development and the part of parents in the social adaptation of the children with cerebral palsy. The article considers pedagogical conditions of forming communicative and organizing abilities of children suffering cerebral palsy, aimed at their socio-psychological adaptation.

Вопросы организации педагогической помощи детям с церебральной патологией в различных условиях обучения неоднократно рассматривались в исследованиях Т. А. Власовой, А. А. Дмитриева, В. В. Коркунова, Н. Н. Малофеева, Л. М. Шипицыной, которые в качестве одного из факторов их успешной адаптации называли состояние физического и психического здоровья.

Е. М. Мостюкова, А. Г. Московкина отмечали, что ребенку с церебральным параличом нужно то же, что и здоровому: чтобы его любили и принимали таким, какой он есть, со всеми проблемами и трудностями. И только тогда он войдет в мир уверенным в себе, доброжелательным и способным приносить пользу обществу [3].

Адаптация, по мнению Л. В. Мардахаева, – это приспособление организма и его функций, органов и клеток к условиям среды, направленное на сохранение сбалансированной деятельности систем и психической организации индивида в изменившихся условиях жизни.

Социальная среда, в которую попадает ребенок, является определяющим фактором реализации его потребностей и запросов, выступает важнейшим условием раскрытия его социальной сущности как человека.

Трудности, которые испытывают родители, воспитывающие детей-инвалидов, существенно отличаются от забот семей, в которых растут здоровые